

Е. Б. Рашковский

А. М. Петров как историк-мыслитель

Аннотация: Статья посвящена важнейшим теоретическим смыслам, которые выявлены в творчестве русского историка-экономиста и востоковеда Александра Михайловича Петрова (1946–2010). Основное содержание трудов А. М. Петрова – экономические аспекты взаимодействия на протяжении веков двух «макроцивилизаций» (Запада и Востока). Исторические взгляды Петрова во многом связаны с современной коррекцией старого историографического концепта «азиатский способ производства». Речь у Петрова шла о традициях отчуждения человека (в особенности – деревенского человека) через институты идеологии и власти. Огромный познавательный и исследовательский опыт А. М. Петрова призван быть стимулом для дальнейшего развития всей сферы социогуманитарного знания.

Ключевые слова: история, экономика, востоковедение, источниковедение, формации и цивилизация, «азиатский способ производства», «геном Востока», отчуждение, свобода.

Я чувствую за них за всех,
Как будто побывал в их шкуре...

Б. Пастернак, «Рассвет»

Когда-то, на исходе прошлого столетия, мне довелось писать о новаторском творчестве Александра Михайловича Петрова (1946–2010)¹. Тогдашнее мое исследование касалось, по существу, лишь начала его относительно недолгого пути в науке. Сколько всяких разоблачительных слов произносилось и поныне произносится в адрес российской истории последних трех десятилетий: «катастрофические восьмидесятые»², «лихие девяностые», «бонапартистские нулевые». Но для А. М. Петрова это сложное и многозначное время глубочайших перемен в глобальной и российской жизни, время существенных житейских и психологических испытаний, было и временем благодатным: временем освобождения от былого идеологического гнета и открытия новых горизонтов социогуманитарного знания, «замечательной эпохой востоковедных научных бесед»³. И сам Александр Михайлович, человек почти что не титулованный, был одним из активнейших деятелей и движителей этой осо-

бой эпохи российского социогуманитарного творчества. Это касалось и его исследований, и его неформальной научно-организационной деятельности: то были живые беседы с коллегами, редактирование и издание научных сборников и организация конференций. Ибо каждое мало-мальски значимое научное мероприятие требует не столько даже материальных, сколько невероятных интеллектуальных и нервных затрат.

Возможно, что эта самоотверженная творческая и научно-организационная деятельность, составлявшая смысл и сердцевину его личности (ведь надо было собирать распадающуюся российскую социогуманитарно, надо было обобщать уникальный и стремительный опыт текущей истории и собственного познания!), сократила и сроки физического существования ученого. Никакие достижения мысли нам не даются даром.

Основую научных интересов и источниковедческих трудов Александра Михайловича была лишь одна из исторических дисциплин: экономическая история. Однако наследие Петрова перерастает строго очерченные дисциплинарные рамки, ставя его в ряд, как я уверен, выдающихся мастеров исторической науки. Об этом и пойдет предлагаемый читателю разговор.

Труд историка: что же это такое? Невозможно стать сколько-нибудь серьезным историческим мыслителем без профессионального мастерства. Именно оно отличает настоящего историка-теоретика от досужих творцов дилетантских «историософий». Ибо историко-теоретическая работа состоит не в измышлении «общих суждений» по

¹ См.: Рашковский Е. Б. Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001. С. 153–165.

² Термин «катастрофка», пущенный в ход А. А. Зиновьевым, широко разошелся в леворадикальных постсоветских кругах.

³ Петров А. М., Сопленков В. С. Предисловие // Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить: сборник статей / Отв. ред. А. М. Петров. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 4.

части исторического процесса, но в интегральном искусстве *чтения жизни и времени*, в работе с конкретными источниками, в осмыслении культурных традиций и новаций, в собственном внутреннем опыте⁴.

Что же требуется для такого историко-теоретического мастерства? Широкая образованность и историческая эрудиция (у Петрова они были связаны прежде всего с многообразными сюжетами глобальной и отечественной экономической истории; но не только). Знание литературы. Умение читать и сопоставлять различные группы источников (например, данные статистики, финансовую отчетность, отрывочные сведения о локальных и мировых ценах прошлых эпох, прессу, мемуарику, законодательство, памятники общественной мысли). И в этой же связи — умение понять и оценить источники вещественные, причем в их неразрывной связи с культурным и экологическим контекстом. Так что кругозор достойного историка хозяйства необходимо включает: ландшафты, предметы ремесла, промышленные товары, технологическое оборудование, наблюдение за конкретными путями передвижения товаров и денежных потоков и за судьбами тех, чьими трудами эти передвижения осуществлялись.

Что же касается технологии (технологии производства, транспортировки, конкретных форм экономического взаимодействия людей), то именно технология есть та область, где история мысли напрямую сходится с природой и исторически обусловленной предметной деятельностью человека⁵. Так или иначе, по словам Александра Михайловича, интенсивная работа историка всегда связана с привлечением, упорядочением и осмыслением огромных массивов «лоскутной информации»⁶.

Кругозор достойного историка включает и широкую эрудицию общекультурного и худо-

жественного порядка: умение слушать, читать, видеть — словесность, музыку, изобразительные искусства. Не случайно же история причислялась издревле к разряду мусических искусств. Все это сполна относится и к излюбленной области исторических исследований А. М. Петрова — истории мировых коммуникаций и торговли. Поэтическое воображение, художественные стандарты, интерес к экзотике и диковинам — все это необходимо входило в число предпосылок становления того «невероятного лабиринта дорог» (сухопутных и морских), которыми издревле пронизывался Старый Свет и которые способствовали открытию Света Нового⁷. Так, согласно трудам ученого, важнейшая предпосылка начала Великих географических открытий — не только и даже не столько запущенные в период Реконкисты военно-политические машины Испании и Португалии, сколько интеллектуальный порыв и внутренняя свобода Итальянского Возрождения XIV–XV вв. Он пишет в этой связи: «В теории было готово уже очень и очень многое. Необходимо была материальная сила, которая взялась бы за практические действия и в ходе их внесла бы коррективы»⁸. И в этой связи нельзя не отметить огромные познания Александра Михайловича в области древней, средневековой и новоевропейской историографии, археологии, истории искусств и поэзии.

А. М. Петров оставил нам замечательные уроки⁹ работы историка с памятниками художественной литературы: в поэтическом нарративе¹⁰ историк призван искать не прямые фактологические свидетельства, но скрытые смыслы изучаемой эпохи. Так работал Александр Михайлович с наследием Петрарки и Дефо; так он готовился начать работу над скрытой историко-экономической и востоковедной проблематикой в драматургии и прозе Михаила Булгакова. Мы много обсуждали с Александром Михайловичем булгаковскую тему, приоткрыть которую ему так и не было суждено.

Макроисторическое мышление. Основную свою тему он заявил еще в ранних работах — это тема взаимосвязи «экономического прошлого...

⁴ См.: *Рашковский Е. Б.* На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999. С. 195–207.

⁵ Nota bene. Укажу две работы А. М. Петрова, где он продемонстрировал глубину взаимосвязанных знаний из области экономики, технологии, физической географии и истории кораблевождения: *Петров А. М.* Индийский океан: международное общение в древности // *Востоковеды — востоковеду: сборник статей. К юбилею Г. К. Широкова.* М., 2000. С. 5–41; *он же* Несколько страниц в защиту Клеопатры (исторический источник и литературная несправедливость) // *Восток – Запад – Россия: сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симония.* М., 2002. С. 383–390.

⁶ *Петров А. М.* Международное экономическое общение в истории Востока. М., 2010. С. 26.

⁷ См.: *Петров А. М.* Великий Шелковый путь. О самом простом и самом известном. М., 1995. С. 44.

⁸ *Петров А. М.* Запад – Восток. Из истории идей и вещей: очерки. М., 1996. С. 73.

⁹ Он не любил слово «уроки», но я, как бывший школьный учитель, с этим словом расстаться не могу.

¹⁰ Полноценная художественная проза – это тоже «поэзис».

двух макроцивилизаций» (т. е. Запада и Востока)¹¹. А если говорить о динамике и содержании макроисторического мышления Александра Михайловича, то в самом общем приближении я бы мог определить их так: от восходящей к старой марксистской историографии идеи «азиатского способа производства» — к более теоретичной и философски обоснованной идее на стыке двух научных дискурсов (формационного и цивилизационного) — к идее «генома Востока». Эта последняя идея была не просто репликой идеи «гидравлической» матрицы социальной организации (как у Карла Августа Виттфогеля¹²) и даже не просто репликой более поздней, хотя во многих отношениях и вдохновленной Виттфогелем, идеи сращения власти и собственности в обществах Востока (как она разработана в трудах Л. С. Васильева, М. А. Чешкова).

Выдвинутая Петровым идея «генома Востока» представляет собой, на мой взгляд, творческое и источниковедчески обоснованное возвращение к философской гегелиано-марксистской традиции¹³ — возвращение на основе трагического опыта прошлого столетия, а также на основе работы с огромными источниковыми и историографическими массивами. Суть этого возвращения — в современном осмыслении идеи *отчуждения человека через институты идеологии и власти*. И не случайно же Петров постоянно работал в контакте с двумя замечательными и еще толком не понятыми российскими востоковедами — исследователями макроистории, чья мысль во многих отношениях шла параллельно с мыслью Петрова и отчасти вдохновляла ее: академиком Н. А. Симония и М. А. Чешковым.

Попытаемся самым кратким образом реконструировать сердцевину востоковедных воззрений А. М. Петрова.

Итак, история традиционных восточных обществ и их авторитарного административно-

политического оформления есть исторически неизбежный и необходимый этап взаимоотношений человека и природы (как собственно природы, так и природы человеческой). По словам Петрова, эта история являет собой целое искусство, или же «целую поэму», о приноравливании человека к стихиям природы и к собственным слабостям¹⁴. Вполне обоснованно восхищающие западных и российских людей изощренные ремесленные навыки и эстетические вкусы Востока во многих отношениях обуславливались исторически объяснимой изощренностью систем властного принуждения, изощренностью и жесткой требовательностью власти «верхов» над «низами»¹⁵.

Анализируя тексты французского эmissара при дворе Великого Могола Франсуа Бернье (1625–1688), А. М. Петров который раз в своем творчестве обращается к проблеме социально-экономических предпосылок высочайших исполнительских и эстетических качеств традиционных художественных ремесел Востока: «...первоисточник был один — внеэкономически изъятый деспотом у крестьян продукт, перераспределенный им (с помощью откупной системы) среди бюрократического аппарата и армии и уже таким образом — прямо или опосредованно — через торговый капитал, попадавший в руки ремесленника. Вся эта «заретушированность» атрибутикой товарно-денежных отношений на самом деле — эрзац-отношения, ибо они функционировали почти исключительно в городском пространстве и внешней торговле. Последняя была продолжением той же восточной схемы «распределения — обмена — потребления», но уже в международном масштабе»¹⁶. И в этой же связи Петров отмечает: исторически, «...городское ремесло не работает на восточную деревню»¹⁷.

Так что важнейшей социоэкономической предпосылкой развития традиционных восточных ремесел и искусств (о столь дорогой европейскому или российскому сердцу стороне эстетической здесь речь не идет) являлись, по мнению Александра Михайловича, те «сверхвысокие налоговые изъятия», на которых строились власть, управленческие системы и потребности «верхов» восточных обществ (включая и потребности евро-

¹¹ Петров А. М. Экономическое соприкосновение Запада и Востока (процесс и итоги к началу XIX столетия) // Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Под ред. Н. А. Симония и Л. И. Рейснера. М., 1984. С. 74.

¹² Петров мечтал издать на русском языке великую и во многих отношениях пионерскую книгу Виттфогеля "Oriental Despotism" со своими обширными критическими комментариями: мне вновь приходится возвращаться к вопросу о неосуществленных замыслах ученого.

¹³ Глубокая зависимость Маркса (именно самого Маркса, а не его последователей) от философского дискурса Гегеля, прежде всего от «Феноменологии духа», наиболее детально прослежена израильским историком мысли Ш. Авинери (см.: Avineri Sh. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968).

¹⁴ Петров А. М. Запад — Восток... С. 4–5.

¹⁵ См.: Петров А. М. Великий Шелковый путь... С. 87–88.

¹⁶ Петров А. М. Международное экономическое общение... С. 53.

¹⁷ Там же.

пейских и американских контрагентов традиционных «верхов» стран Востока)¹⁸...

Разумеется, недопустимы апология или оправдание систем колониального насилия и грабежа; более того, история колониальных режимов свидетельствует о том, что колониальные власти, насаждая выборочные (т. е. функционально им потребные) элементы европейской инфраструктуры в области управления, образования, судопроизводства, военных и гражданских служб, здравоохранения и институтов науки, опирались на все ту же традиционно-восточную социо-экономическую матрицу «распределение – обмен – потребление».

Но что при этом, как полагает А. М. Петров, проявилось в истории предколониального периода (сначала в грубых, незрелых формах, а позднее в формах более зрелых и изощренных) – так это *цивилизационное качество* Европы, связанное с уникальными этногеографическими, религиозными и правовыми предпосылками ее исторического становления¹⁹.

Об этом цивилизационном качестве (в той трактовке, которую дает ему Петров) мы будем говорить позже. Но вот работы Александра Михайловича в области истории мировой торговли, его расчеты в области глобальной истории товарных и денежных потоков привели ученого к выводу о том, что за мастерство традиционных ремесел и традиционных агрикультур Востока (напряженные формы труда в условиях массивных налоговых и рентных изъятий у сельского производителя) Европа из века в век платила Азии драгоценными металлами²⁰. Прозаически грубый процесс экономического становления Европы от Высоко-

го Средневековья до ранних форм индустриализации, самоутверждение местных феодалов, князей Церкви, а за ними – и городского патрициата, их потребление напоказ (причем потребление не только вещественное, но и культурное) – исподволь готовили дальнейший экономический взлет Европы и консервировали экстенсивную социальность на Востоке²¹.

Одно из важнейших формационно-цивилизационных качеств европейского развития на рубеже Средневековья и Нового времени Александр Михайлович усматривает в утверждении системы обратной связи городского ремесла и деревни; в ней он усматривает одну из важнейших матриц всей последующей социо-экономической и культурной специфики Европы и того глобального ее статуса, который (при всем множестве возможных исторических оговорок) не сломен и поныне²². С точки зрения Петрова, именно специфика экономических отношений города и деревни определила в этот период коренное расхождение в судьбах урбанизма обеих «макроцивилизаций»: европейскому торгово-ремесленно-мануфактурному городу (со времен Высокого Средневековья) нужен был «сельский рынок», тогда как городу азиатскому (государеву и храмовому) – «сельский налогоплательщик»²³.

Пожалуй, в этом тонком замечании ученого – одна из важнейших разгадок самой сути всемирно-исторического феномена колониализма²⁴: Запад силой навязывал тогдашней «мировой деревне», Востоку, статус своей рыночной периферии и использовал элементы «азиатских» (внезападных) форм социальной организации для закрепления и поддержания этого статуса²⁵. Европейские социоэкономические, культурные и юридические

¹⁸ См.: Петров А. М. Азиатский способ производства и XXI век. М., 2004. С. 2.

¹⁹ Подробнее о проблематике предпосылок цивилизационного облика Европы и о восточно-западных предпосылках европейского цивилизационного становления см.: Рашковский Е. Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008. С. 66–109.

²⁰ Разумеется, поступление в Европу массы драгоценных металлов (9/10 их объема на заре Нового времени) обеспечивалось внеэкономическими, силовыми изъятиями у народов и природы Южной Америки со стороны испанских колонизаторов (см.: Петров А. М. Международное экономическое общение... С. 21). Но вот только активным и творческим экономическим фактором эта масса драгоценных металлов оказалась не на Пиренеях, но среди народов Северной Европы, во Франции и Швейцарии. Правда, известны случаи и оттока драгоценных металлов на Запад, как это было в случае с английской и отчасти англо-индийской опиумной торговлей в Китае в XIX в. (см.: там же. С. 26). Однако за массовыми закупками опиума стояли побуждения не производительного, но, скорее, саморазрушительного характера.

²¹ См. в этой связи: Петров А. М. Великий Шелковый путь... С. 65–66.

²² См.: Петров А. М. Международное экономическое общение... С. 134–135.

²³ Петров А. М. Азиатский способ производства... С. 9. См. также в этой связи: Галич З. Н. Восточный город – традиционный, колониальный, современный – как субъект цивилизационного процесса. М., 2011.

²⁴ Конечно же, не полурархаического колониализма иберийского типа, но более зрелых форм колониальной экспансии.

²⁵ Здесь, правда, были и небезыңтересные исключения. Напр., в периоды Первой и Второй мировых войн британские колониальные власти в Индии способствовали интенсивному развитию местного военно-научно-промышленного комплекса в виду острейших оборонных потребностей Британской империи (см.: Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX-XX века. М., 1990. С. 145–146.

начала (не говоря уже о началах технологических) во многом внедрялись методами завоевательного администрирования, методами традиционного внеэкономического принуждения. Так что элементы «азиатского способа», связанные не только с местными традициями, но и во многих отношениях опосредованные современными технологическими и управленческими новациями, стали неотъемлемым элементом постколониальных обществ Востока²⁶. Выборочные западные заимствования в области военного дела, технологии и управленческих систем обращались (и продолжают обращаться) в пользу поддержания и спасения всей, по существу, древней системы внерыночного, властного присвоения и перераспределения прибавочного, а подчас и необходимого продукта жизнедеятельности общества в пользу отождествляющих себя с «государством», «нацией» и высшими вселенскими принципами господствующих элит²⁷. Только вот сколь долго может длиться этот не вполне устойчивый и мучительный формационно-цивилизационный «синтез»?

Вслед за академиком Н. А. Симония и М. А. Чешковым (и отчасти ученым-крестьяноведом В. Г. Растягниковым) А. М. Петров настаивал на том, что традиционные структуры «азиатского способа производства» — и притом именно в условиях впечатляющих технологических сдвигов «электронной эпохи» — оказываются существенной предпосылкой бюрократического капитализма на Востоке (именно в нынешнем его исполнении), когда деревня, а с нею и многомиллионные массы еще внутренне не осовремененного городского плебса, все еще во многих отношениях остаются за бортом «парохода современности»²⁸. И это, добавил бы я от себя, несмотря на внедрение нынешних электронных средств массовой коммуникации в толщи «низовой» жизни. А может быть — отчасти — и благодаря таковому внедрению, примитивизирующему внутренние миры «малых сих».

В своих нередких беседах со мной Александр Михайлович настаивал, что изложенная выше теоретическая его конструкция, основанная на тщательной проработке проблем истории экономи-

ческих отношений Запада и Востока, может оказаться небесполезным эвристическим стимулом и для постижения отечественной нашей истории, как бы «зависшей» между историями народов обеих «макроцивилизаций». В частности, и для понимания столь необратимо-печальной вехи истории народов России и Советского Союза, каковой была «коллективизация» на рубеже 1920–1930-х гг. и связанное с ней стремление к властному присвоению всех связей российского социально-экономического комплекса, вплоть до самых капиллярных и элементарных²⁹.

Некоторые общетеоретические наблюдения. Труды Александра Михайловича чрезвычайно богаты теоретическим содержанием, важным для социогуманитарных знаний в целом. Однако, будучи по преимуществу исследователем теоретических проблем исторической науки, я ограничусь лишь тремя общетеоретическими наблюдениями, касающимися прежде всего теории и истории исторической мысли.

Наблюдение первое касается проблемы *экономики как формы самоорганизации и самораскрытия человеческого духа*, — проблемы всегда актуальной и получившей особо основательное раскрытие в социально-философских трудах Б. Кроче, С. Булгакова, М. Вебера (у каждого, разумеется, на свой лад). И не случайно А. М. Петров так настаивал на необходимости изучения как прямых, так и опосредованных экономических и рыночных последствий глубоких интеллектуальных и культурных сдвигов, которые предполагали изменения в системах человеческих кругозоров, интересов, потребительских и рыночных запросов³⁰. Непрерывные же процессы культурной переориентации, подчас столь болезненные для экономической действительности любого из участков мира (что уж говорить о ревнителях местных «самобытностей»!) — одна из не всегда осознаваемых, но всегда непреложных констант истории³¹.

Наблюдение второе: *проблема экономической взаимодополнительности Запада и Востока* (об этом

²⁶ См.: Петров А. М. Город и общественно-экономическая структура азиатского способа производства // Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н. А. Симония. М., 1990. С. 171.

²⁷ См.: Петров А. М. Азиатский способ производства... С. 11–14.

²⁸ См.: Петров А. М. Международное экономическое общение... С. 188–189.

²⁹ См. в этой связи: Петров А. М. Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 52–54.

³⁰ См.: Петров А. М. Внешнеэкономическое воздействие Запада... С. 98–99.

³¹ См.: Петров А. М. Гений логики развития // Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М., 2003. С. 21.

говорилось в ходе предшествующего нашего обсуждения) *должна рассматриваться в ретроспективе глобальной истории*. В этой связи, кстати сказать, Александр Михайлович отмечал, что нынешний исламистский террор, отражая трудности модернизации обществ Востока (причем не только обществ, «застрявших» в своем развитии, но и таких весьма по восточным меркам «продвинутых», как общества Юго-Восточной Азии или анклавов восточных мигрантов и их натурализовавшихся на Западе потомков), имеет своей основой реакцию традиционной социальности и психологии на глобальные вызовы уже нынешнего, «постмодерного» мира³².

Наблюдение третье. Александра Михайловича всегда волновала проблема *свободы как сути подлинного и креативного общественно-экономического развития*. Как глубокий исследователь экономической истории, он настаивал, что исторически сам принцип свободы — не только часть обновления конкретных структур социальности, технологии и производительных сил, но и внутреннего человеческого опыта, а с ним — и человеческой мысли, которая сама обуславливает многозначные обновления нашей жизненной среды³³. Отсюда — его скептическое отношение к разного рода воздыханиям по части «коллективизма» и «соборности» на историческом Востоке. Здесь он, может быть, даже излишне категоричен, хотя и категоричность эта — небезосновательна. На его взгляд, таковой восточный «коллективизм» есть знак цивилизационно не высвобожденной человеческой инициативы, не раскрытой внутренней свободы, знак зависимости общества в целом от «основной массы подавленных в своем эгоизме индивидов»³⁴.

Разумеется, оставался открытым столь важный для востоковеда, равно как и для историка религии и культуры, вопрос о месте высоких культур Востока в глубокой исторической ойкономии человеческой свободы. Но этот вопрос уже почти что за рамками политэкономического дискурса. Это вопрос иных дискурсов: философии истории, исторической социологии, истории культуры, богословия. Основной вопрос трудов Тойнби, Ясперса, Айзенштадта, протоиерея Александра Меня³⁵.

³² См.: Петров А. М. Азиатский способ производства... С. 1.

³³ См.: Петров А. М. Восток – Запад... С. 49–50.

³⁴ Петров А. М. Азиатский способ производства... С. 16.

³⁵ О трактовке этого вопроса в трудах перечисленных мыслителей мне пришлось немало писать в историографических разделах своих книг и статей.

Хотя, со времен столь почитавшихся Александром Михайловичем великих политических экономов старой Англии (Адама Смита, Джона Стюарта Милля) и политэкономический дискурс здесь не бесполезен.

Обмолвившись о возможных философско-исторических коррективах к трудам А. М. Петрова, я не могу не высказать некоторых собственных соображений на сей счет. Александр Михайлович определял свои востоковедно-теоретические взгляды как учение о «геноме Востока». Определял, исходя прежде всего из историко-экономических и политэкономических предпосылок, во многом связанных с марксистской историографической традицией («азиатский способ производства»). Вполне разделяя эту «марксистскую» сторону востоковедных воззрений А. М. Петрова, я все же вынужден внести в эти воззрения некоторые свои (психологические, религиозные и теологические) коррективы. Александр Михайлович знал об этих коррективах, и они, как мне кажется, служили основой нашего многолетнего сотрудничества.

Итак, в оный «геном Востока» «вписаны» моменты не только казенного, «азиатского» гнета, но и — по принципу описанного еще Фрейдом амбивалентно-компенсаторного характера человеческой действительности — моменты духовного (религиозного, эстетического) противления принципу казенного и абсолютистского «присвоения человека»³⁶. Моменты, без учета которых невозможно представить себе историю становления гражданских и творческих свобод в евроамерикано-славянском ареале, а следом — и во всем остальном мире.

Такова роль библейского наследия в истории этого ареала; такова роль ближневосточного перипатетизма и Каббалы в философском самонахождении Европы в эпоху Высокого Средневековья и раннего Нового времени; такова опосредованная Японией роль даосско-чаньского наследия в эстетическом раскрепощении Европы, Нового Света и России со 2-й половины XIX в. (импрессионисты и постимпрессионисты). А уж как пользуются люди своей восчувствованной и обретенной свободой — особый вопрос.

Во всяком случае, истина человеческой свободы, как и всякая истина, относительно проста.

³⁶ Термин Г. С. Киселева (см.: Киселев Г. С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке // Народы Азии и Африки. М., 1989. № 6).

Она во многом отождествима с положением кантовской этики о человеке как о цели-в-себе. Просты истины Моисеева Декалога или истины девяти с половиной Блаженств Нагорной проповеди³⁷. И, вместе с тем, истина не формулировочна (чего глумливо добивался от истерзанного Узника Понтий Пилат³⁸) и потому головокружительно сложна. Сложна не столько теоретическим, сколько экзистенциальным своим содержанием. До нее надо *доработаться самому* — опытом жизни, познания, общения, одиночества, радости, страдания и сострадания. Истина, разумеется, транслируется теоретически, но в плане отвлеченно-теоретическом она внутренне пуста³⁹. Культурам, народам, индивидам приходится дорабатываться до нее, что называется, «вручную». Но тогда, будучи заработана экзистенциально, она прирастает и теоретической глубиной.

Что же касается наследия А. М. Петрова, то, как мне кажется, теоретическая глубина его тру-

дов была связана и с глубиной его экзистенциального опыта: опыта благоговения перед познанием и культурой, опыта сострадания судьбам своей страны, опыта разочарования во внутренней несостоятельности многих из коллег.

В своих трудах и в своем устном общении с коллегами и друзьями он постоянно обосновывал ту мысль, что процессы присвоения, составляющие историческую первооснову социально-экономической реальности, суть нормальное свойство живого⁴⁰. А внеэкономическое присвоение — нормальная транспозиция природного, точнее даже, животного в человеческом обществе. Но вот творческая самоотдача — самоотдача, подсказываемая не внешним принуждением, но внутренними императивами, есть важнейшая характеристика именно человеческой истории и культуры. И вместе с тем — истории экономической.

Да таков был и он сам — этот нелегкий, всегда полный замыслов и до обидного рано сгоревший человек⁴¹.

³⁷ Мф. 5:3–12 (девять прямых заповедей плюс десятая — радоваться).

³⁸ Ин. 18:38.

³⁹ Не отсюда ли — ужасающая внутренняя пустота значительной части нынешних «спецов»-гуманитариев? И связана она, на мой взгляд, с теоретической изоционностью, не помноженной на экзистенциальный опыт.

⁴⁰ Точно так же он трактовал и процессы самочинного присвоения чужих идей, к сожалению, столь частые в «ученой» среде.

⁴¹ См.: Симония Н. А. Памяти А. М. Петрова // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 5–6.

Список литературы:

1. Галич З. Н. Восточный город — традиционный, колониальный современный — как объект цивилизационного процесса. М., 2011.
2. Киселев Г. С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на традиционном Востоке // Народы Азии и Африки. 1989. № 6. С. 66–74.
3. Петров А. М. Азиатский способ производства и XXI век. М., 2004.
4. Петров А. М. Великий Шелковый путь. О самом простом и самом известном. М., 1995.
5. Петров А. М. Гений логики развития // Религиозная сфера и интеллектуальные ресурсы глобального человеческого развития. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 1 (24). М., 2003.
6. Петров А. М. Город и общественно-экономическая структура азиатского способа производства // Город в формировании развитии стран Востока / Отв. ред. Н. А. Симония. М., 1990.
7. Петров А. М. Запад – Восток: Из истории идей и вещей: очерки. М., 1996.
8. Петров А. М. Индийский океан: международное общение в древности // Востоковеды — востоковеду: сб. статей. К юбилею Г. К. Широкова. М., 2000.
9. Петров А. М. Международное экономическое общение в истории Востока. М.: Ключ-С, 2010.
10. Петров А. М. Несколько слов в защиту Клеопатры (исторический источник и литературная несправедливость) // Восток — Запад — Россия: сб. статей. К 70-летию академика Н. А. Симония. М., 2002.
11. Петров А. М. Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000.
12. Петров А. М. Экономическое соприкосновение Запада и Востока (процесс и итоги к началу XIX столетия) // Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Под ред. Н. А. Симония и Л. И. Рейснера. М., 1984.

13. Петров А. М., Сопленков В. С. Предисловие // Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить: сборник статей / Отв. ред. А. М. Петров. М., 2006.
14. Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М., 1999.
15. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX – XX века. М., 1990.
16. Рашковский Е. Б. Профессия — историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2002.
17. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.
18. Рашковский Е. Б. Средние века: становление цивилизационного лика Европы // Цивилизации. Вып. 7. М., 2006.
19. Симония Н. А. Памяти А. М. Петрова // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011.
20. Avineri Sh. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968.
21. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power. N. Y., 1981.

References (transliteration):

1. Galich Z. N. Vostochnyy gorod — traditsionnyy, kolonial'nyy sovremennyy — kak ob'ekt tsivilizatsionnogo protsessa. M., 2011.
2. Kiselev G. S. Prisvoenie cheloveka: o spetsifike sotsial'noy svyazi na traditsionnom Vostoke // Narody Azii i Afriki. M., 1989. № 6. С. 66–74.
3. Petrov A. M. Aziatskiy sposob proizvodstva i XXI vek. M., 2004.
4. Petrov A. M. Velikiy Shelkovyy put'. O samom prostom i samom izvestnom. M., 1995.
5. Petrov A. M. Geniy logiki razvitiya // Religioznaya sfera i intellektual'nye resursy global'nogo chelovecheskogo razvitiya / Materialy postoyanno deystvuyushchego mezhdistsiplinarnogo seminara Kluba uchenykh «Global'nyy mir». M., 2003.
6. Petrov A. M. Gorod i obshchestvenno-ekonomicheskaya struktura aziatskogo sposoba proizvodstva // Gorod v formatsionnom razvitii stran Vostoka / Отв. ред. N. A. Simoniya. M., 1990.
7. Petrov A. M. Zapad –Vostok: Iz istorii idey i veshchey: ocherki. M., 1996.
8. Petrov A. M. Indiyanskiy okean: mezhdunarodnoe obshchenie v drevnosti // Vostokovedy — vostokovedu: sb. statey. K yubileyu G. K. Shirokova. M., 2000.
9. Petrov A. M. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe obshchenie v istorii Vostoka. M., 2010.
10. Petrov A. M. Neskol'ko slov v zashchitu Kleopatry (istoricheskiy istochnik i literaturnaya nespravedlivost') // Vostok — Zapad — Rossiya: sb. statey. K 70-letiyu akademika N. A. Simoniya. M., 2002.
11. Petrov A. M. Rossiyskaya imperiya i vneshnyaya trgovlya zarubezhnoy Azii // Zarubezhnyy Vostok: voprosy istorii trgovli s Rossiei. M., 2000.
12. Petrov A. M. Ekonomicheskoe soprikosновение Zapada i Vostoka (pro ess i itogi k nachalu XIX stoletiya) // Evolyutsiya vostochnykh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo / Pod red. N. A. Simoniya i L. I. Reysnera. M., 1984.
13. Petrov A. M., Soplentkov V. S. Predislovie // Gleriyu Shirokovu: ya khotel by pogovorit' s toboy. M., 2006.
14. Rashkovskiy E. B. Na osi vremen. Ocherki po filosofii istorii. M., 1999.
15. Rashkovskiy E. B. Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligentsiya v stranakh Vostoka XIX – XX veka. M., 1990.
16. Rashkovskiy E. B. Professiya — istoriograf. Materialy k istorii rossiyskoy mysli i kul'tury XX stoletiya. Novosibirsk, 2002.
17. Rashkovskiy E. B. Srednie veka: stanovlenie tsivilizatsionnogo lika Evropy // Tsivilizatsii. Vyp. 7. M., 2006.
18. Simoniya N. A. Pamyati A. M. Petrova // Chto dogonyaet dogonyayushchee razvitie. Poiski ponyatiya. M., 2011.
19. Avineri Sh. The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1968.
20. Wittfogel K. A. Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power. N. Y., 1981.